

МИРЫ М. и С. ДЯЧЕНКО

МАРИНА И СЕРГЕЙ
ДЯЧЕНКО

МИЗЕРАКЛЬ

Ф Э Н Т Е З И

ЭКСМО

Марина и Сергей Дяченко

Мизеракль

«Автор»

2003

Дяченко М.

Мизеракль / М. Дяченко — «Автор», 2003

«Опасного она заметила сразу. Сидит в углу, не откидывая капюшона, постреливает взглядом из-под черных слипшихся волос, длинные пальцы с обломанными ногтями крошат хлеб на столе... Хорош. Знаем, чего от таких ждать. На всякий случай велела Сыру, чтобы приглядывал...»

© Дяченко М., 2003

© Автор, 2003

Марина и Сергей Дяченко Мизеракль

Опасного она заметила сразу. Сидит в углу, не откидывая капюшона, постреливает взглядом из-под черных слипшихся волос, длинные пальцы с обломанными ногтями крошат хлеб на столе... Хорош. Знаем, чего от таких ждать. На всякий случай велела Сыру, чтобы приглядывал.

Ужинали нервно. Хоть и говорят, что разбойников якобы повывели и что, мол, юная дева, да хоть с мешком золота, да хоть среди улицы может ночевать, и никто не тронет... Хоть и говорят все это и пишут на вывесках у входа в королевство – а все-таки доверия нет. Чужие места, чужие люди, чужой неприятный выговор знакомых слов. Грязная харчевня. Наверное, еще и клопы в матрацах. Знаем мы...

Сыр остался поболтать с хозяином – Доминика поощряла. Пусть почешут языки, может, и просочится сквозь ворох болтовни что-нибудь небесполезное. Нижа тем временем поднялась наверх, взбивать перины, готовить комнату.

Доминику шатало от усталости, и вина, наверное, не стоило пить. Весь день в трясучей карете, обедали на ходу... И, конечно, от вина разморило. Ступеньки высокие, темно и воняет жиром. Рука скользнула по перилам, брезгливо отдернулась – липко...

Вот тут-то из темноты и выступил тот, в капюшоне.

Закричать?

Темный коридор, лестница, внизу гудят пьяные голоса. Где-то там, в глубине дома, в переплетении коридоров – Нижа с ее перинами. Нижа не поможет, а Сыр не услышит...

– Я напугал вас?

Доминика не видела его лица. Только силуэт: в глубине коридора горел фонарь.

– Госпожа, у меня к вам очень важный и очень короткий разговор. Подойдите к свету.

Незнакомец отступил в глубь коридора, остановился под фонарем, тогда она впервые увидела его лицо – широкие скулы, длинный узкий рот. Шрам на лбу. «Фазаньи лапки» вокруг глаз. Сколько ему лет?

– Прошу вас...

Она повиновалась, как замороженная.

Незнакомец вежливо, но решительно взялся за край ее плаща. Рванул подкладку – так, что нитки не выдержали. Тр-ресь...

Под подкладкой что-то было. Доминика, как ни было ей страшно, все-таки присмотрелась; на изнанке плаща обнаружилась вышивка размером с крупную монету. Огромная вошь. Золотыми нитками.

Не паниковать. Соблюдать достоинство. Достоинство прежде всего...

Ломкими пальцами отстегнула застежку. Плащ тяжело свалился на пол, лег к ногам, сразу же сделавшись похожим на падаль.

– Это, конечно, не мое дело, – сказал незнакомец. – Но лучше сжечь.

– Да, – сказала Доминика.

Плащ купили неделю назад, когда в карете поломалась ось, и пришлось тащиться под дождем до ближайшей деревеньки. Доминика в тот день вымокла, как крыса, полы старого плаща сделались тяжелыми от налипшей грязи, и очень кстати пришлось предложение портного купить у него совершенно новый, подходящий по размеру...

Потом уже оказалось, что плащ ношенный, но возвращаться назад и разыскивать портного не стали.

– Мое почтение, госпожа.

Он поклонился и ушел в темноту. Доминика осталась стоять, и тяжелый ключ, висевший у нее на шее на цепочке, подпрыгивал в такт биению сердца.

Прошло минуты две, прежде чем она смогла крикнуть:

– Нижа!

Молчание. Доминика попыталась вспомнить номер отведенной ей комнаты. Три? Или пять?

– Ни-жа!

Скрип несмазанных петель. Несносная гостиница. Наверняка клопы в матрасах...

– Госпожа изволили звать?

Нижин длинный и бледный нос вопросительно торчал из приоткрытой двери. Тень служанки падала наружу – угловатая, настороженная тень.

– Возьми вот это. – Доминика трясущимся пальцем ткнула в лежащий на полу плащ. – Сожги.

И, не слушая возражений, шагнула через высокий деревянный порог – в комнату.

Пахло свежей соломой. Нет здесь никаких перин, и слава Небу; соломенный тюфяк, полотняная постель, простое, даже бедное убранство. Чисто. Огонек в маленькой печке. Доминика тяжело опустилась на табурет.

В дверях встала Нижа с плащом в руках:

– Госпожа! Зачем сжигать? Может, мне отдадите, если, это... опротивел он вам или как?

Доминика облизнула сухие губы. Именно сейчас у нее не было сил на объяснения.

– Отнеси. К себе. Сожги. В печке. Проверю.

Нижа засопела, как ветер в печной трубе. Ни слова не говоря, закрыла дверь.

Доминика обняла себя за плечи.

Кто он? Наверняка маг. Разумеется. Может быть, он сам из тех, что шьют эти плащи... Хотя нет. Говорят, что золотых вшей, а также пауков и жаб вышивают исключительно женщины-ведьмы, да не всякие, а те, что живут по триста лет под землей, доят древесные корни, свисающие с потолка в их пещерах, и пьют зеленое молоко, а кто спилит доеное дерево и делает из него хоть дом, хоть стол, хоть даже свистульку – занеможет и сляжет, и после смерти сам превратится в жабу...

Доминика перевела дыхание. Зачем незнакомому магу предупреждать ее насчет плаща с меткой? «Не мое дело...» Это точно. Не его дело. Пожалел? Ой, не верится, здесь никто никого просто так не жалеет. Тем более маг. Завтра, стало быть, подкатится снова – за вами, госпожа, должно-ок...

Она решила ни за что, ни при каких обстоятельствах не заговаривать больше с лохматым колдуном. Она не просила его о помощи – стало быть, ничем не обязана. Хотя, если подумать, что было бы, пронеси она этот плащ еще хотя бы неделю...

Доминика глубоко вздохнула. Ее подташнивало, и неизвестно, чем более вызвано недомогание: скверной магией плаща или же страхом и отвращением.

Отвлечься, вяло подумала Доминика. Занять мысли чем-то другим.

На круглом столике оплывала свеча. Доминика не без брезгливости взялась за круглую ручку подсвечника. Ничего, вроде бы чистая; она подняла свечу повыше и огляделась.

Так. Замочная скважина входной двери. Сундук в углу; скоба для замка есть, самого замка не видно. Окно запирается на засов... И больше в комнате нет ничего, что можно было бы запереть и отпереть снова.

Дверная скважина слишком велика, не стоит и пытаться. Правда, в темном коридоре полным-полно дверей, не меньше десяти. И в каждой – замочная скважина...

Но мало ли кто там встретится, в коридоре. Давешний колдун вполне может там поджидать. Или кто похуже...

Не давая себе времени на раздумья, Доминика приоткрыла дверь и, держа перед собой свечу, выглянула.

Фонарь горел по-прежнему. Плаща на полу не было – Нижа его утащила. А что, подумала Доминика, если жадность служанки одолеет ее преданность... ерунда, какая там у Нижи преданность, видимость одна... и дуреха припрячет плащ для себя?!

Слышно было, как внизу, в зале, гудят и хохочут гуляки.

Не прикрывая дверь в комнату – и вообще стараясь от нее не удаляться, – Доминика быстро прошла по коридору, касаясь пальцем дверных скважин. Эта большая... Эта и того больше... Вот эта разве что... да и то – сомнительно.

Привычным жестом она стянула с головы цепочку. Нервно огляделась: вряд ли кто-нибудь поверит вранью о том, что молодая госпожа ошиблась дверью...

Сунула ключ в замок чужой комнаты; не влезает. Чего и следовало ожидать.

В этот момент коридором хлестанул отчаянный вопль. Доминика, чьи нервы и без того были напряжены, дернулась и чуть не сломала торчащий в чужом замке ключ.

Крик повторился. Источник его находился в комнате прислуги, имя источнику было Нижа, хотя Доминика и не сразу узнала ее голос.

– Черти зеленые, что там еще? – послышалось из-за той самой двери, замок которой Доминика только что пыталась отпереть.

Голоса гуляк внизу притихли. В конце коридора распахнулась дверь:

– Пожар? Грабители? Что такое, черт вас заберет?!

Доминика, задержав дыхание, пыталась вытащить ключ из замка, но он – возможно, от ее неосторожного движения – застрял и не желал повиноваться.

В комнате прислуги кто-то подвывал вполголоса. Доминика дунула на свечку – и едва успела отшатнуться, когда дверь с застрявшим в скважине ключом распахнулась, и в проеме возник грузный, по-видимому, мужчина: Доминика видела только огромную тень, вывалившуюся в коридор.

– Эй! Хозяин! Что там еще?

Доминика молчала, вжавшись в стену за распахнутой дверью.

– Проклятые бабы, – пробормотал толстяк, вслушиваясь в приглушенные причитания. – Крыса ее, что ли, укусила...

Постояв еще и ничего не дождавшись, закрыл дверь. И дверь в конце коридора закрылась тоже. Доминика зажмурилась, стараясь успокоиться.

Погасшая свеча дымила на редкость смрадно. Причитания Нижи перелились в едва слышное монотонное нытье. Доминика сперва вызволила – со всеми предосторожностями – застрявший ключ и надела цепочку на шею, и только потом отправилась посмотреть, что за крыса укусила служанку.

Комнатка прислуги помещалась напротив той, где поселили хозяйку, и отличалась от Доминикиной только размерами. Одной свечки было достаточно, чтобы целиком осветить крохотное помещенье; свечка стояла на Нижином сундучке с рукодельем. Хозяйка сундучка сидела, с ногами забившись на кровать. Злосчастный плащ валялся на полу, по ткани расплзались темные блестящие пятна, и все вокруг было замарано кровью.

– Я же велела сжечь, – простонала Доминика.

– Госпожа?..

Сыр стоял за ее спиной, в коридоре. Прибежал на крик. Может быть, даже узнал Нижин голос.

– Дай света, Сыр...

Густая кровь продолжала сочиться из чуть надрезанной ножичком золотой вши.

– Я подумала, – бормотала Нижа, дрожа всем телом. – Я подумала, чего же ниткам пропадать... Золотые все же... Я подумала – ниточки выпорю, а плащ сожгу, как вы велели... Про ниточки-то ничего не говорено...

– Дура, – просто сказал Сыр. – Дурища безмозглая. До свадьбы не доживешь, видит Небо, схрупают тебя леший где-нибудь на болоте!

– Перестань, – попросила Доминика. – Пусть молчит...

– Только пискни, – свирепо предупредил Сыр, и рукодельница Нижа застыла, зажав себе рот обеими ладонями.

Сыр осторожно, двумя пальцами поднял плащ; осмотрел. Рванул – снова затрещали нитки, Доминика вздрогнула, Нижа икнула. Сыр оглядел две получившиеся половинки, разорвал каждую еще пополам; покосился на Доминику:

– Вы, госпожа, идите-ка к себе... Незачем вам на такое... А эта дура пусть смотрит! В следующий раз станет думать, прежде чем колдовскую метку ножиком пырять...

– Я не знала, – простонала Нижа сквозь сомкнутые ладони. – Не знала я! Я только подпороть хотела... А кровища как брызнет... И теплая кровища, о-ох...

– Заорешь – придушу, – снова предупредил Сыр.

– Тихо, – сказала Доминика. – Тихо. Мы пойдем... А ты, как закончишь, в дверь постучи, ладно?

– Как прикажете, – пробормотал Сыр, присаживаясь перед печкой и раскрывая дверцу. – Только пятна на полу пусть сама затирает.

Доминика разглядывала обширную темную лужу вокруг сундучка с рукодельем. Большею частью это была ее, Доминикина, кровь. И, может быть, чья-то еще... Кто носил плащ до нее? Как долго носил? И мог ли портной не знать?..

Сыр раздувал угли.

Доминика взяла Нижу за плечо и вытолкала в коридор. Плотно прикрыла дверь; в конце коридора мелькнула тень. Или показалось?..

* * *

Что за сон может быть после такого происшествия? Доминика лежала, зажав в кулаке ключ на цепочке; под окнами прокричала ночная стража – два часа ночи. Три часа ночи...

Неподалеку от гостиницы, на той стороне реки живет мастер-кузнец, чьи механические игрушки славятся на десяти базарах десяти больших городов. Если он не выполнит просьбу – никто не выполнит, и Доминике придется скитаться до конца дней своих и, засыпая, всякий раз видеть перед глазами череду замочных скважин...

Она поднялась рано, оделась без помощи служанки и спустилась к завтраку прежде всех постояльцев. Так ей, по крайней мере, казалось; тем не менее, стоило ей появиться в пустом и холодном обеденном зале, как в углу – на том же самом месте – обнаружился вчерашний незнакомец, черноволосый колдун, оказавший Доминике услугу.

Возвращаться было поздно. Доминика гордо выпрямилась и прошествовала между темными и липкими деревянными столами к тому единственному, что был накрыт скатертью. У этого господского стола стоял единственный стул; Доминике волей-неволей пришлось усесться лицом к залу. Колдун – на этот раз без плаща и капюшона, в темной кожаной куртке, простоволосый – смотрел на нее из своего закутка. Отводить теперь взгляд было бы невежливо, прямо-таки вызывающе; Доминике вовсе не хотелось ссориться с колдуном. Вот как бы помягче дать понять, что она не считает себя обязанной?

Она кивнула – пожалуй, слишком по-приятельски. Пытаясь загладить оплошность, нахмурила брови и отвернулась. Теперь вышло слишком высокомерно; за стойкой тем време-

нем не было ни хозяина, ни прислуги, никто не спешил желать Доминике доброго утра, не интересовался, что именно она желает съесть на завтрак...

Чуть помедлив, колдун поднялся из-за стола. Неторопливо пересек зал. Остановился перед стойкой. Мельком глянул на Доминику; чуть усмехнулся и вдруг грянул кулаком по дереву – так, что затрещали доски, подскочили пивные кружки, а одна из них охнула и раскололась пополам.

В двери кухни сейчас же возник хозяин. Очень бледный, насколько могла судить Доминика.

– Госпожа желает завтракать, – сказал ему черноволосый.

– Сию минуту, – просто ответил хозяин.

Доминика разглядывала скатерть. Что, благодарить еще и за эту неожиданную услугу?..

– Вы позволите? – Колдун был уже рядом. Взялся за скамейку, стоявшую у соседнего стола, без усилия подтянул ее поближе, уселся напротив Доминики. – Сожгли? – спросил, глядя ей в глаза.

– Да, – сказала Доминика, наблюдая, как заспанный мальчишка-поваренок собирает черепки расколовшейся кружки.

– Я хотел бы узнать, добрая госпожа, где проживает купец, который продал вам плащ.

– Портной, – пробормотала Доминика.

– Портной. Вы носите плащ недавно, вы путешествуете небыстро, стало быть, мерзавец обретается неподалеку?

Пауза затягивалась. Доминика никак не могла выбрать правильный тон.

– Селение называется Погреба, – сказала она наконец. – Портной там один, направо от постоянного двора... Но он мог ничего не знать.

Незнакомец кивнул:

– Разумеется, добрая госпожа, он мог ничего не знать... Все возможно.

Кухонная девушка уже расставляла посуду. Поваренок принес хлеб и фрукты; странный собеседник Доминики поднялся:

– Приятной трапезы, добрая госпожа, и легкой дороги... К сожалению, я покидаю этот гостеприимный кров прямо сейчас.

И, слегка поклонившись, двинулся к выходу. На ходу подбросил, не глядя, большую золотую монету; вертясь волчком, монета описала дугу и упала на ладонь хозяину, за мгновение до этого показавшемуся в дверях кухни.

Хозяин быстро справился с оторопью. Оглядел монету, спрятал куда положено, потер ушибленную ладонь. Запоздало поклонился в сторону закрывшейся двери.

Доминика только сейчас сообразила, что этот, ушедший, так и не назвал своего имени.

* * *

Мастер-кузнец долго рассматривал ключ. Поворачивал то так, то эдак, смотрел на про-свет.

– Позвольте, госпожа, подмастерьям показать?

– Зачем?

Кузнец смутился:

– Ну... Редкая вещица. Они такого в жизни не видавали, так пусть бы поглядели... Но ежели не хотите, – добавил, следя за ее лицом, – так и не покажу. Как скажете.

– Я не на смотрины его принесла... За работу возьметесь?

Мастер задумчиво подергал себя за длинный седовато-рыжий ус:

– Новые ключи к старым замкам – делал, как не делать. Но вот чтобы новый замок к старому ключу...

– Возьметесь? – резче спросила Доминика.

– Н-ну, – кузнец теперь держал ключ на ладони, как в колыбели. Руки у кузнеца были огромные, потому ключ казался куда меньше, чем был на самом деле. – Ну как вам сказать, госпожа... Ключик-то... не простой. И замочек к нему полагается не простой... Невесть сколько провожусь, все другие дела брошу...

– Сколько?

– Не о том речь. – Мастер нахмурился. – Работы много. Заказы. Ярмарки опять же. Не сделаю – что мне скажут? Скажут – шельма. Доброе имя – оно дороже...

– Вы попробуйте, – сказала Доминика. – Если не выйдет – задаток оставите себе.

– Задаток, – кузнец с опаской потрогал острую, как бахрому сосулек, бородку ключа. – Задатка мало... Работу сделаю, время потрачу...

– Ну, все деньги оставите.

– Ежели все деньги – что мне за выгода стараться? Я, может, и пробовать не буду, а вам скажу – не вышло...

– Давайте так. – Доминика сжала кулаки. – Если ничего не выйдет – все деньги за работу возьмете себе. А если выйдет... Тогда я вас отдельно поблагодарю. Еще приплачу – вдвое... Пусть только дело будет!

Последние слова она почти выкрикнула. Мастер наконец-то перестал разглядывать ключ и перевел взгляд на Доминику:

– А вам, стало быть, большая надобность?

– Большая, – глухо уверила Доминика.

* * *

Выйдя от кузнеца, она едва держалась на ногах. Прославленный мастер – а перед этим плащ-бизнесос – постарались на славу.

В последний момент сделка едва не сорвалась: кузнец поставил условием передачу ключа в мастерскую на все время работы. «А как прикажете иначе к нему делать замок?..» – удивлялся он громко и чуть фальшиво; Доминика представила, что за радость будет подмастерьям разглядывать диковинку, обсуждать ее и неумело копировать. Она вообразила себе, как от неосторожного обращения ключ ломается пополам; она почти увидела, как в лавку при кузнице пробираются грабители, как их привлекает холодный блеск ключа... И, разумеется, она отказала мастеру. Сделайте копию, сказала она.

Все началось сначала. Только когда Доминика отчаялась и собралась уходить, кузнец вдруг сдался. Ключ был с великими предосторожностями оттиснут на алебастре и возвращен хозяйке...

– Госпожа, – сказал Сыр, когда, тяжело опираясь на его руку, она брела обратно в гостиницу.

– Что?

– А чего это хозяин гостиницы все меня спрашивает – вернется тот колдун или не вернется? Откуда мне знать, как вы думаете?

– Не знаю, – призналась Доминика. И, помолчав, добавила: – Наверное, он решил, что мы знакомы.

* * *

Прошла неделя в безделье и ожидании; наконец от мастера прибежал мальчишка с известием, что «работа для госпожи готова».

Доминика, прежде ни на секунду не верившая, что у кузнеца что-то может получиться, вдруг впала в горячечную надежду. Собираясь, наступила на подол собственного платья и оторвала его – пришлось спешно переодеваться. Дорога до кузницы показалась длинной до невероятности.

Мастер встретил Доминику на пороге лавки, довольный, преувеличенно почтительный: – А ведь, госпожа, и хитрый ваш ключик оказался... Ох и хитрый... Ну да мы хитрее. Извольте-ка!

И выложил на прилавок большой навесной замок в форме подковы. На черной стали светлели, как глаза, большие круглые заклепки. Дужка была обильно выпачкана оружейным маслом, резкий запах его заставил Доминикины ноздри вздрогнуть.

Неужели, подумала она растерянно. Конец пути?..

Кузнец еще что-то говорил – кажется, похвалялся; не глядя ни на кого, Доминика сняла с шеи цепочку с ключом. Ей казалось, ее торопят; как настрадавшийся от жажды человек спешит поднести к губам кружку с водой – так ключ спешил навстречу этой скважине. Скорее...

Впервые за много попыток ключ вошел в скважину без усилия, легко. Доминика вдруг испугалась; что будет, если замок сейчас откроется? Как *это* произойдет? Что подумает кузнец... Впрочем, разве важно... Унести замок, попробовать в укромном месте... Может быть, как-то себя подготовить, придумать подходящие слова...

– Да у вас руки трясутся, – осуждающе заметил кузнец. – Дайте-ка я...

Она отстранила его. Взялась за ключ крепче; ничего не происходило. Стальные грифоны врезались в кожу. Ключ не желал поворачиваться.

– Эх, – сказал кузнец, и в голосе его ясно прозвучало мнение обо всех на свете неумехах. – Позвольте...

На этот раз она безропотно уступила и ключ, и замок. Мастер долго возился, пробовал так и эдак – ключ не поворачивался.

– Да что же за дьявол! – рявкнул наконец, не смущаясь присутствием заказчицы. – Да не может же такого быть!

Вытащил откуда-то копию – точно такой же ключ, только тусклый, оловянный. Вставил в замок, повернул – дужка отскочила.

– Вот! Ну что я говорил! – положил на прилавок оба ключа, оригинал и копию, обернулся к Доминике, собираясь что-то доказывать; она вяло махнула рукой.

Мастер, уязвленный, втолковывал ей, что заказ выполнен как нельзя лучше – вот ключ, вот замок... Второй ключ ничем не отличается от первого, а если она пожелает, можно сделать и стальную копию... А коли она недовольна – сама виновата, просили же ее оставить для работы ключ-оригинал...

Доминика взяла с прилавка то, что принадлежало ей. Ни слова не говоря, надела на шею цепочку. Повернулась и вышла из лавки.

* * *

В тот вечер лил дождь. Доминика сидела в обеденном зале, за единственным столом, покрытым скатертью, и вяло ковыряла вилкой остывшее мясо.

Неудача была сокрушительной. Прежде она уговаривала себя не надеяться особенно – и, как ей казалось, преуспела; теперь, когда положение окончательно прояснилось, сделалось ясно, какой живучей и цепкой была ее надежда.

Можно еще невесть сколько таскаться по дорогам, хоть всю жизнь. Шарить, как воровка, в поисках замочных скважин, и однажды, как воровку, ее и поймут... Она содрогнулась, вспомнив тот случай на постоялом дворе – два месяца назад. И ведь едва сумела вымолить пощаду... Вернее, не столько вымолить, сколько откупиться.

...Или ключ не выдержит. Сколько раз Доминике снился этот сон: головка ключа у нее в руке, борода – в замке...

А мир велик. И может быть, – она содрогнулась, – может, в ее скитаньях ей однажды встретится нечто, перед которым даже плащ-жизнесос окажется безделицей. Может быть, ее ждет судьба стократ худшая, нежели...

Дверь в обеденный зал распахнулась, будто ее пнули ногой. Немногочисленные едоки одновременно повернули головы; Доминика увидела сперва сапог, заляпанный грязью по голенище, потом мокрый капюшон с выбивающимися из-под него темными спутанными волосами, потом тусклую пряжку набрякшего водой плаща.

В дверях кухни появился хозяин – будто чуял, будто ждал; новоприбывший встряхнулся, как пес, и, не откидывая капюшона, направился к своему обычному месту – в темном углу.

Доминика опустила глаза.

Собственно, что ей за дело? Она завтра уезжает...

Почему он вернулся? Неужели он был у портного? Неужели портной знал? И что сказал ему колдун, и что портной ответил? Как объяснил?..

Может быть, портной тоже колдун? Вряд ли, ой, вряд ли...

Поваренок уже тащил новому гостю поднос со всякой всячиной – как будто тот заранее дал знать, чего хочет. А может, так оно и было?

Хоть бы к камину сел, подумала Доминика. Он же вымок, как жаба...

Тьфу, некстати жаба вспомнилась.

* * *

Поздним утром, когда счета были оплачены, вещи собраны и все, казалось, готово к отъезду, Сыр обнаружил вдруг трещину в рессоре. Ругать его за небрежение было поздно, тем более что он клялся всеми добродетелями, мол, вчера еще смотрел со всей тщательностью, и никакой трещины не было в помине...

Доминика стояла посреди двора, погруженная в апатию. Принимать решение было не о чем – предстояло вернуться в постылую гостиницу, проторчать здесь еще невесть сколько дней и потратить невесть сколько денег, потому что Сыр утверждал, будто поломка серьезная...

Знакомец, чьего имени она не знала, сидел теперь на ее обычном месте – за столом, покрытым скатертью. Капюшон его был откинут на спину; засохшие прядки волос торчали во все стороны, как иголки большого ежа. Доминика вошла – и остановилась в замешательстве.

Хозяин, которому уже доложили о неприятности с каретой, радушно поклонился. Мельком глянул на колдуна, крошащего хлеб за господским столом; подозвал служанку, что-то сказал ей на ухо, та умчалась – за еще одной скатертью, подумала Доминика.

Тем временем колдун отвлекся от своего занятия и поднял глаза.

Должок, в ужасе подумала Доминика. Он играет, как кошка с мышью – все эти приезды, отъезды... А случайно ли треснула рессора – именно сегодня? Ни с того ни с сего?..

Чего он хочет от меня, подумала Доминика. Я ничем-ничем ему не обязана. Близятся теплые дни, я велела бы Ниже спрятать плащ в сундук. И он пролежал бы там до осени. А что случилось бы осенью – никто не знает, может быть, к тому времени мы нарвались бы на разбойников, и плащ сделался бы их добычей. Или нас растерзали бы звери в лесу, и плащ так и сгнил бы вместе с прочими вещами под слоем опавших листьев...

Да что ему надо, подумала Доминика. Что есть у меня такого, что он пожелал бы сделать своим? Сундук с тряпками, поломанная карета... И ключ. Ключ!..

Она едва удержалась, чтобы тут же, при всех, не сжать ключ в ладони. Плотнее запахнула шаль на груди; двинулась к лестнице – в ее прежней комнате еще никого не поселили, стало быть, она получит возможность любоваться знакомым узором трещин на потолке...

Наверху горничная бранилась с Нижей. Доминика остановилась на пороге: матрас был выпотрошен, солома валялась по всей комнате, постельное белье грудой висело в углу. Старательная девушка взялась за большую уборку, едва за постоялкой закрылась дверь...

Не слушая бранящихся служанок, Доминика повернулась и вышла. Спустилась вниз; в конце концов, почему она должна прятаться?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.